1-й экз.

Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Эмиле Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 4-5. МАРТ-АПРЕЛЬ, 1922 г. 2 серия.

Содержание: „Революционная законность". *А. А.*—Из переписки учителя.—Годовщина смерти П. А. Кропоткина.—Какая промышленность нужна России. *Инженер-Экономист.*—Демуниципализация домовладений.—Без дирижера.—Правда все та же... (стихотворение). *Ф. Шевченко.*—Не настало-ли время? (за административно осужденных).—Этика и политика.—К вопросу оздоровления русской кооперации. *Вс. Артельный.*—„Исповедь".—Фанатизм и дисциплина.—К читателям „Почина".

„РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ".

Уже несколько месяцев в советской печати идет обсуждение вопроса о „революционной законности" и, понятно, торжествует *законность*, как в нравоучительных романах—*добродетель*. Но к сожалению в данном споре законность буквально торжествует над добродетелью—над „революционным сознанием или совестью".

Казалось бы о чем тут спорить: кто признает власть, тот безпрекословно должен исполнять и все ее веления. Но дело в том, что „революционное сознание или совесть" тоже нашло свое законное выражение в декрете № 1 о народном суде, а так как совесть ужасная анархистка, пренебрегающая всякими государственными нормами, то отсюда и спор между защитниками *твердых законов* и сторонниками *непреклонной совести*.

Этот спор, несмотря на свою кажущуюся новизну, имеет свой *прецедент*, как выражаются правоведы, в буржуазной судебной практике. Если не ошибаюсь (я не юрист) по старым законам тоже мировым судьям предоставлялось право выносить постановления руководствуясь не только буквой закона, но и голосом своей совести. Повидимому на основании какой нибудь подобной „неосторожной" оговорки законодателя, во Франции, в 90-х годах прошлого века, мировой судья местечка Шато-Тьери по имени Маньян стал выносить приговоры по человеческой совести, чем вызвал переполох в буржуазной печати. Помнится такой случай: перед судом Маньяна предстала женщина, вдова, мать 4-х детей, без средств, за кражу хлеба у булочника. Судья, подробно обосновав свой приговор, нашел, что общество обязано доставлять пропитание всем своим членам, а потому вынес ей оправдательный приговор.

Буржуазная печать заволновалась, завопила о скандале, о нарушении незыблемости законов, о подрыве основ общества. В результате нескольких подобных решений дел по совести Маньян был отставлен от должности.

Вспоминается мне и другой случай, но уже из моей собственной судебно-медицинской практики. Дело происходило лет двадцать с лишним тому назад в Болгарии. Старшина одной затерянной в Балканах деревушки донес властям, что какая-то пришлая неизвестно откуда женщина разрешилась от бремени и удушила ребенка. Командировали следователя для производства дознания. Следователь пригласил меня, как исполнявшего должность околийского (уездного) врача в качестве эксперта. Роженицу мы нашли на окраине деревни в полуразрушенной хижине, у которой одна стена совершенно обвалилась,—за занавеской из каких-то отрепьев. Трое детишек в возрасте от 6 до 10 лет, как спугнутые зверьки, тревожно разглядывали нас, прячась и выглядывая из-за угла строения. Женщина лежала на земляном полу, рядом—трупик младенца, едва прикрытый какой-то тряпкой. Вся утварь этой семьи состояла из деревянного корытца для теста и глиняного кувшина.

Впечатление было настолько потрясающим, что, когда во время вскрытия я стал умалчивать очевидные признаки убийства, чтобы представить дело в виде естественной смерти плода во время родов, при отсутствии надлежащей помощи, то следователь явно поддакивал мне и искренно был рад представившейся возможности прекратить дело.

Итак, к одному преступлению прибавилось еще два: укрывательство с моей стороны и потворство укрывательству со стороны следователя.

Другого пути не было для спасения нашей совести от *законности*,—для того, чтобы государственное правосудие не отняло у детей более несчастную, чем преступную мать.

Теперь, когда читаешь об'яснение автора декрета № 1 о революционном право-

сознании П. Стучки, что „мы это сделали" (т. е. писали декрет) „по необходимости, но мы никогда не об'явили это правосознание некоторым таинственным источником правды и справедливости" [Изв. В.Ц.И.К. № 68 (1057) от 25/III 22 г.], то невольно страшно становится за правду и справедливость перед законностью, даже с прилагательным „революционная".

И всетаки сторонники „революционной законности" правы. Маньяны—исключение, а совесть судей по назначению, даже по выбору,—если этот выбор не производится самими тяжущимися сторонами, как в третейских судах, —куда как эластична, или тупа. Строгое соблюдение законов, без сомнения, предпочтительнее. Если законы не противоречат совести, как это случается иногда, то легче бывает добиться справедливости; в противном случае, определенно зная откуда и какая грозит опасность, человек лучше может оградить от государственного правосудия свои интересы и свою совесть, как это мы сделали со следователем, умело обойдя закон.

Только не надо обманываться: законность, даже в сочетании со словом „революция", не всегда совместима с совестью и справедливостью. Суд может стать неизменно *правым, скорым и дешевым* лишь в том случае, если он *третейский*, если он выбран самими тяжущимися сторонами. Но в таком случае он не может быть „законным", т. е. считать своей обязанностью исполнение государственных законов.

Только отделение правосудия от государства может дать нам,—не „революционную законность", эти два понятия взаимно исключают друг друга,—а революционную справедливость.

А. А.

МАТЕРИАЛЫ
к изучению жизни и творчества П. А. КРОПОТКИНА.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ УЧИТЕЛЯ*).

Милый мой Атабек,

Благодарю вас за брошюру. Получил вчера.

Возвращаю ваше предисловие, с некоторыми замечаниями. Безусловно протестую против „ненависти к *немецкому* империализму". Мы ненавидим всякий *гнет*. Как хорошо сказал Бурцев: „Кропоткин всю жизнь проповедывал отвечать силою на каждое насилие, конечно, не мог иначе отнестись к немецкому насилию!" Просто и ясно. Вы забываете, что Германия вот уже 5-й год ведет войну на чужой земле, которую хотела и еще хочет завоевать в политическое и экономическое рабство.

Когда увидимся?

Пока, обнимаю вас.

П. Кропоткин.

*) Печатаемая здесь записка, *без числа*, была написана П. А. в конце 1918 года по поводу корректуры предисловия к задуманному группой „Почин" изданию ряда переводных брошюр заграничных анархистов, отражавших их взгляды на мировую войну. Хотя коллективно составленное предисловие и было набрано и послано П. А. для просмотра, выпустить брошюры не удалось.

Записка и замечания П. А. Кропоткина к предисловию с соответствующими выдержками из последнего.

Не „ненависть к *германскому* империализму" (в отличие от других?), а враждебное отношение ко *всем* завоевательным войнам, руководит нами когда мы утверждаем необходимость защищать права каждого народа развиваться, не обращаясь в подданного, или данника другого государства.

Вследствии этого, живя в Англии, мы протестовали против завоевательной войны, начатой англичанами в Южной Америке, войны в Тунисе, угнетения Финляндии, Польши, Кавказа Россией и т. д.

Мои товарищи, не менее пацифистов, считают войну *злом*; но мы считаем, что защищаться с оружием в руках от иностранного завоевателя—такой же долг революционера, как и защита—не словами, а делом—против внутренних угнетателей. Отказываясь подставить щеку под удары внутренних угнетателей, мы не видим причины почему мы обязаны подставить ее угнетателям внешним.

Замечу еще, что разлагающая проповедь „сложенных рук" была лучшим приглашением германским завоевателям начать эту войну; и всего успешнее повели они эту войну там, где всего усерднее подготовляли им успех проповедью непротивления. К счастью французский народ не поддался на эту удочку, и этим он сделает войны невозможными на добрые пол-столетия, если не больше.

В словах из корректуры предисловия, „для анархистов война—абсолютное зло, не могущее служить орудием освобождения человечества", слово освобождение подчеркнуто Петром Алексеевичем и к нему сделано примечание:

„Мы знаем, однако, что без внутренней войны, люди не освобождаются; на тол-

П. А. сделал на полях корректуры ряд замечаний, общий смысл которых он сам об'единил на особом листке кроме трех, которые могут быть поняты лишь при соответствующих местах из предисловия.

Мы воспроизводим вслед за письмецом П. А. как его записку, так и замечания с контекстами из предисловия.

ствстве далеко не уедешь в деле освобождения от пулеметов и 6-ти дюймовок".

Далее в предисловии сказано:

„Мы не беремся подводить итоги эволюции анархистской мысли по отношению к мировой войне. Ясно одно:—события в России должны были коренным образом их изменить. *Теперь мы далеки от прямолинейного наивного пасифизма одних, прозванных „пораженцами" и от безоговорочного слияния с борющимися государственными организациями, других, окрещенных „оборонцами."*

Против подчеркнутых слов П. А. отметил „верно!".

Затем в предисловии имеются следующие строки:

„Нам кажется, что результаты мировой войны ведут дальше „условий прочного мира", подыскиваемых Гравом. Вырождение войны, признаки которого замечаются и на Западе, повидимому, ознаменует начало конца самой принудительной государственной власти и *начала* наступления анархистской эры в истории развития человечества."

Против этих строк, на полях П. А. отметил: „Именно благодаря поражению завоевателей. Если бы они победили, результаты были бы другие".

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ П. А. КРОПОТКИНА.

По почину *Всеросс. Общест. Комитета по увековеч. памяти П. А. Кропоткина* в Москве, в годовщину его смерти, на могиле собрались почтить память тесная семья друзей и последователей. Заботами Комитета снег вокруг могилы был расчищен и могила была убрана зеленой хвоей (как известно, венки, возложенные на могилу в день похорон родными, друзьями и общественными организациями, были унесены еще в прошлом году *одним учреждением без ведома и согласия семьи*). На березе, рядом с могилой, была прикреплена дощечка с портретом П. А.. Было произнесено несколько простых, задушевных речей.

Вечером в большом зале Консерватории состоялось общественное собрание, организованное Комитетом. На эстраде стоял бюст П. А. работы скульптора Гинсбурга и портрет кисти художника Пастернака. Т.т. В. Н. Фигнер, А. Н. Потресов и А. А. Боровой произнесли речи, затем лучшими московскими музыкальными силами были исполнены любимые Петром Алексеевичем места из произведений русских и иностранных композиторов.

Вследствие больших расходов по организации вечера (наем помещения 10 миллионов, освещение 12 мил., за печатание афиши 12 мил., *налог за расклейку* 6 мил. и т. д.) входные билеты стоили сравнительно дорого.

На собрании деятели социалистических партий

блистали отсутствием, но зато пришли многие кооператоры, а галлерея была полна молодежью.

На вечере, и днем на могиле, присутствовали многочисленные дмитровские друзья Петра Алексеевича, приехавшие специально с этой целью в Москву.

13-го февраля в г. Дмитрове, по почину местных кооператоров и при деятельном участии т. А. В. Матвеева, в зале школы 2-ой ступени состоялся вечер, посвященный памяти Петра Алексеевича. Зал был переполнен, преимущественно учащейся молодежью и учащими.

Ученический хор спел похоронный гимн „Вы жертвою пали..." и марш анархистов. Тов. А. А. Солонович в блестящей речи обрисовал научную и нравственную сущность учения Петра Алексеевича. Затем были рассказаны личные воспоминания о Петре Алексеевиче и прочитаны отрывки из его произведений.

Чувствовалась теплая среда взрослых и молодежи непосредственно знавших и любящих Петра Алексеевича.

Годовщина смерти П. А. Кропоткина нашла отклик в официальной „красной" печати лишь в воспроизводимом ниже телефонном сообщении из Петрограда „Известиям В. Ц. И. К." (№ от 28 февр.).

26 февраля состоялось собрание посвященное первой годовщине со дня смерти Кропоткина. После доклада Новорусского о задачах комитета по увековечению памяти Кропоткина и речи академика Ольденбурга о значении работы Кропоткина по географии, А. А. Шилов охарактеризовал его как революционера. Пользуясь неопубликованными материалами из III отделения и документами процесса 193, докладчик обрисовал показания рабочих, выдавших Кропоткина. Характерно донесение агента III отделения, отметившего после ареста Кропоткина рост сознательности и об'единения рабочих под влиянием пропаганды Чайковцев, на котором Александр II положил резолюцию: „очень и очень грустно". А. А. Шилов ознакомил также собрание с неопубликованной еще частью запи-

сок Кропоткина по вопросу о будущем социальном строе, о политической и социальной революции и о том, что делать на другой день после переворота.

Какая промышленность нужна России.

Вот вопрос, ответ на который много лет составляет предмет самых ожесточенных споров. При этом здесь происходит невообразимая путаница, в которой очень часто „своя своих не познаша", и спорящие бьют иной раз по своим идейным друзьям, неожиданно для себя оказываясь в других случаях в одном лагере с идейными противниками. Причина этого заключается прежде всего в том, что в стране слабого промышленного развития, с промышленностью насаждавшейся многими искусственными методами на глазах у ныне живущих еще поколений, не создалось пока ясного понимания истинной роли промышленности в жизни страны и не выработалось ни настоящей промышленной буржуазии, ни пролетариата, подобного западно-европейскому. Это с необыкновенной яркостью сказалось особенно в послереволюционный период с 1917 года, когда фактически „идейной буржуазии" в России в сущности не оказалось, а пролетариат весьма быстро „распылился" за какие нибудь 4 года, по неоднократно высказанному печатно и устно заключению руководителей советской власти во главе с Лениным. Это последнее, очевидно, могло совершиться только в стране, где был по существу не наследственный или „потомственный пролетарий", а крестьянин на отхожих промыслах, вроде того „середняка", каким является председатель В. Ц. И. К., „красный староста" тов. Калинин.

Однако, если у нас нет сейчас ни промышленной буржуазии, ни промышленного пролетариата, ни даже фактически нет и самой промышленности, то таковая должна возродиться в тех или иных формах, чтобы мы не оказались в полном экономическом рабстве от соседей, близких и дальних. Поэтому и приходится поставить вновь вопрос: какая же промышленность нужна России, чтобы приступить к ее восстановлению и развитию наиболее планомерно? „Старая" советская экономическая политика, в противовес об'явленной „новой", огосударствила национализацией и муниципализацией абсолютно все отрасли промышленности и в результате остановила всякую производительную деятельность до ремесленной и кустарной включительно. Последняя удостоилась даже особого внимания на выставке В. С. Н. Х. в виде плаката „Кустарь—враг народа". Однако официальные экономисты не злопамятны и, не сняв еще с выставки этот плакат, они об'явили совершенно противоположное по адресу того же кустаря, ремесленника и мелкого промышленника, создав и восстановив „Главкустпром" и иные „кустпромы". По мысли это, конечно, было правильно, ибо, вопреки указанной экономической политике, страна все же получала кое-какие новые изделия и товары исключительно от кустарной, ремесленной и мелкой промышленности, хотя и преимущественно контрабандным путем.

Таков был ответ реальной жизни на кабинетные измышления новых экономистов, всуе призывавших благословение неповинного в этом их грехе К. Маркса*).

„Новая экономическая политика",—новая конечно только для тех, кто не знал никакой политической экономии,—решила сохранить в своих руках главные отрасли промышленности и их крупнейшие предприятия, отдав все остальное в аренду, в концессии и т. д., только бы сбыть с рук оказавшиеся совершенно нежизнеспособными предприятия, бывшие и долженствующие снова стать живыми во всяких других руках, кроме бюрократических. Таким образом, совершив круг, государство вернулось к тому, с чего начало, но только при совершенно разрушенной промышленности. Положение печальное, но не непоправимое, если искать выхода из него не в тиши кабинетов и в партийных программах, а в самой жизни и ее уроках.

Промышленность необходима всякой стране—это очевидно; однако именно на промышленность принято смотреть как на исконного врага трудящихся масс, как на какого-то Молоха требующего обязательно человеческих жертв в бо́льших размерах, чем все другие отрасли народной деятельности. Здесь очевидно происходит недоразумение и результаты плохой и неправильной постановки дела относят на счет этого самого дела, т. е. промышленности. Несомненно промышленность сила, и очень большая, но как и всякая сила, она может быть полезной или вредной в зависимости от того к чему, когда, как и в каких условиях она приложена. Это—наша исходная точка и от нее мы и обратимся к выяснению поставленного в заголовке вопроса, твердо памятуя, что нет доброй и злой промышленности, а есть добрая и злая, умная и глупая и т. д. человеческая воля.

„Крупная промышленность логически

---

*) Нам кажется, что тут повинна вся школа государственного социализма, к которой примыкал и Карл Маркс. Гракх Бабеф задолго до наших большевиков подготовлял попытку захвата власти с целью осуществить их программу. Прим. ред.

должна поглотить по крайней мере мелкую, ремесленную и кустарную", говорят одни и ратуют за „концентрацию" производства, как более выгодную экономически и т. д. —„Только в кустарной и ремеслонной домашней промышленности—спасение", говорят другие, посылая проклятия на голову Молоха—крупной промышленности. Истина же, как обыкновенно, спокойно занимает свое положение между крайностями и заключается в том, что все виды промышленности хороши и полезны, но лишь на своем месте, в соответствии с обстановкой, не конкурируя, а сосуществуя и взаимно дополняя, помогая друг другу. Закон взаимопомощи, провозглашенный П. А. Кропоткиным для мира животных, проявляется в полном об'еме в рационально поставленном народном хозяйстве между различными его отраслями, а в последних, между предприятиями и их группами, как между отдельными индивидуумами и обществами в мире животных.

Действительно, можно ли построить современный паровоз, морской гигант, мост, пресс или молот в тысячи пудов и тонн силой и т. д. в кустарной, ремесленной или мелкой мастерской? Очевидно, нет. Но нужна ли гигантская фабрика для производства хороших пуговиц, ножей, канцелярских принадлежностей, игрушек, столовой посуды, одежды и т. д.? Очевидно, также нет. Конечно, может оказаться, что тот или другой предмет массового потребления в отдельном случае более выгодно производить в огромном масштабе, но это только частный случай, не больше. В то же время ряд производств, например, велосипедное, машино-строительное, инструментальное, часовое, некоторые отрасли текстильного, керамического и т. д. представляют комбинированный тип, производят с большей выгодой полупродукт, или детали, и пользуются кустарями, ремесленниками или мелкими предприятиями для отделки и сборки готовых деталей. Многие отбросы крупных предприятий не являются бременем для них только потому, что рядом существующие ремесленные, кустарные и мелкие предприятия освобождают их от этих отбросов, утилизируя их в переработке и использовании, невыгодных по малому масштабу для самих производящих отбросы предприятий. Вот этот-то последний тип комбинированного сосуществования предприятий подобно симбиозу в мире животных, почти совершенно пропущен современной экономической наукой, а между тем в нем заключаются многие возможности и разрешения наболевших вопросов, к обсуждению которых мы далее и обратимся.

Инженер-Экономист.

ДЕМУНИЦИПАЛИЗАЦИЯ ДОМОВЛАДЕНИЙ.

Этим замысловатым иностранным словом, за произнесение которого всего год тому назад засадили бы в тюрьму как контрреволюционера, называется очень простая вещь: *возврат городских недвижимостей их прежним владельцам.*

Втихомолку, с оглядкой,—пока возвращаются дома не больше пяти квартир,—сдаются столь шумно завоеванные октябрьские позиции.

Тогда революционной партии, еще не изведавшей искуса власти, казалось так просто произвести ту или другую коренную общественную перестройку: стоило только написать декрет и велеть государственным органам провести его в жизнь. Такое упрощенное „революционное творчество", руками чиновников, не замедлило дать свои плоды.

Не достойно революционеров умалчивать истину: *главки* и *центры* с их бюрократическим аппаратом больше способствовали всеобщей разрухе и нищете, доведшей нас до голода, чем войны и блокада. В частности жилищный кризис в столице, наполовину обезлюдевшей, во всяком случае не находится ни в какой связи ни с войной, ни с блокадой.

После октябрьского переворота, когда анархистская печать расходилась в десятках тысяч экземпляров, мы предупреждали власть имущих о непригодности бюрократических приемов для социальной революции. К нашему голосу не прислушались. Мало того, наш голос был заглушен закрытием газет, не льстивших власть предержащим.

Нас били тогда, но быть может хоть теперь нас выслушают.

Ни *демуниципализация*, ни даже *жилищные товарищества*, не разрешение жилищного вопроса. В частности требование от последних 10 % жилой площади в бесплатное распоряжение властей, без участия в расходах по домоуправлению, ведет к тому, чтобы выжать из населения бо́льшие выгоды, чем получали в былые времена домохозяева. Никогда городские жилые дома не давали столь высокий процент доходности. Понятно почему жилищные товарищества туго прививаются.

Не лучшее разрешение жилищного вопроса представляет и демуниципализация. Она попросту, без убаюкивающих слов, нас возвращает к тому недоброму старому времени, когда домовладельцы выжимали из людей, живших своим трудом, ¼, ⅓ и даже больше их заработка.

Но едва ли не худшим из всех шагов будет предположенная сдача в аренду на-

селенных домов частным лицам (постан. Московс. Совета от 21 февраля). Это будет равносильно отдаче на откуп домовладений с жильцами волей-неволей прикрепленных к квартирам.

Но скажут: критиковать легко; что же вы, анархисты, предлагаете взамен?

Мы никакого проекта декрета не предлагаем, своего рецепта не пишем. Мы только ставим вопрос: что станет, если власти перестанут заботиться о жилищном вопросе, если оне оставят население в покое, так сказать, на произвол судьбы?

Пойдут-ли жители к бывшим домохозяевам и скажут ли им: идите и владейте домами, а попутно стригите нас в свою пользу?

Или пойдут в Жилищные Отделы и попросят снизойти и снова пещись о них?

Можно усомниться и в том, и в другом.

Просто напросто каждая семья почувствует себя хозяином, занимаемой ею квартиры и станет заботиться о своем крове и уюте получше бывших домовладельцев, заинтересованных не в удобствах жильцов, а в доходности недвижимости.

Словом, горожане приравнились бы к крестьянам, которые имеют каждый *свой* кров. Осуществилось бы лучшее разрешение жилищного вопроса, к которому стремилась кооперация еще при старом режиме, когда строились коллективные дома, (главным образом при помощи долгосрочного кредита), в которых каждая квартира принадлежала отдельной семье.

Если огульная муниципализация домов была грубой ошибкой,—против этого никто уже не спорит,—то ныне начатая демуниципализация является прямо таки нарушением общественной справедливости.

. . . . . .

. . . . . .

Но мы уже слышим насмешливые замечания доктринеров о нашей „мелкобуржуазности". Теоретикам, которым не удалось „сварить русского мужика в фабричном котле", мы зададим вопрос:

Что лучше—быть сторонником кооперативного владения домами самими жильцами, или лить воду на мельничные колеса крупной буржуазии в расчете современем опять экспроприировать ее, т. е. снова нажить себе самого безцеремонного из хозяев—государственную власть?

БЕЗ ДИРИЖЕРА.

Рабский дух так внедрился в душу народных масс и даже людей науки, что не так давно такой выдающийся ученый, как Максим Ковалевский, с наивной уверенностью утверждал, что „в психологии всех существ, призванных к общественной жизни, коренится неотразимый запрос на руководительство".

Хотя со времени Великой Французской Революции *права личности („человека и гражданина")* получили принципиальное признание, но как только дело доходит до практической общественной жизни, до совместной деятельности многих, то тотчас-же возрождается старое монархическое начало. Республиканские, демократические и даже федеративные ярлыки прикрывают монархическую сущность государственного централизаторства. В частности, даже в одной из отраслей искусства, в музыке, „просвещенный абсолютизм" в лице режиссера или дирижера сам собой разумелся, не оспаривался. Сказать, что оркестр может играть, и превосходно играть, без режиссерской палочки, показалось бы столь же диким, как многим еще кажется безумием наше утверждение, что общественная жизнь может прекрасно существовать и преуспевать без государственной власти.

А между тем в искусстве этот опыт уже сделан, и с блестящим успехом.

Вот оценка, которую дает на столбцах самих официальных „Известий" рецензент этой газеты, т. Антон Углов, о симфоническом концерте из произведений Бетховена *без дирижера*, имевшем место 13-го минувшего февраля:

„Внешняя сторона превосходна: точные, уверенные вступления, дружная солидарность в темпах. Касаясь исполнения, надо констатировать, что бывали моменты такого под'ема, такой силы нервного напряжения всей оркестровой массы, охваченной чувством творческого единства, которых почти никогда не встречаешь „под управлением" дирижерской палочки.

„Опыт удался. Выяснились и возможности своеобразного симфонического стиля —яркая *пламенность* звучаний, богатая *эмоциональность* (на основе сотворчества) движения".

Опыт *творческого единства* в искусстве, без дирижерской указки, удался. Теперь очередь за политикой.

Правда все та же...

„Если неправдою можно завоевать
правду, то что ж тогда правда?"
Вл. Соловьев.

Правда всё та же... К берегу Честному
Други, гребите быстрей!
Верьте Прекрасному, верьте Чудесному,
Верьте, и будьте смелей!

Пусть не страшат вас оковы суровые,
Пытки, и меч, и тюрьма.
Верьте,—пройдут скоро тучи тяжелые,
Всегда пред победой—борьба.

В мир зла, где не знают Великого,
Правда святая придет.
Не дорогой меча и насилия дикого
Счастье она принесет.

Путь меча и огня, и насилий, и слёз,
Не для Правды святой:
Путь ея, путь ума, светлых грёз,
Путь другой,

Правда всё та же... К берегу Честному,
Други, гребите быстрей.
Верьте Прекрасному, верьте Чудесному,
Верьте—и будьте смелей.

Ф. Шевченко.

НЕ НАСТАЛО-ЛИ ВРЕМЯ?

(За административно осужденных).

Один из бывших следователей В. Ч. К. на допросе назвал аресты по сотруднические сведениям и последующие заочные приговоры, без допущения защиты, „административным судом". В связи с упразднением В. Ч. К. по борьбе с явной или тайной, предполагаемой или действительной контр революцией (а в сущности —административного воздействия на политических противников, на стоящих левее не менее сурового, чем на правых) естественно возникает вопрос: **не настало-ли время всеобщей политической амнистии?**

Мы бы желали, чтобы марксисты, показавшие столь большую решительность *при наступлении*, во время проведения в **жизнь своих экономических теорий, проявили** не меньшую последовательность *при отступлении* на так называемом „экономическом фронте"—чуточку свободы для всех, больше терпимости к иначе верующим и мыслящим.

Что бы ни говорили доктринеры, влюбленные в свои „диалектические" построения, сила социализма всегда заключалась в его нравственных стремлениях к справедливости и состраданию—к этим двум деятельным силам, об'ективно столь же мощным в своих проявлениях, как и хозяйственные стремления.

С многими тысячами осужденных страдают десятки тысяч близких, жен и детворы.

Будьте же хоть немного социалистами!

ЭТИКА и ПОЛИТИКА.

Со временем, когда историки русской революционной мысли остановят свое внимание на последних годах жизни П. А. Кропоткина, их поразит одно явление: Кропоткин, который посвятил 50 лет своей жизни научному обоснованию и проповеди социальной революции, Кропоткин, столь отзывчивый к *текущим событиям*, Кропоткин, глубокий старец с хрупким здоровьем нашедший силы лично выступить на Всероссийском Совещании, вдруг, в полный разгар социальной революции, находясь в самом очаге ея, замолкает и посвящает все свои силы, главные свои помыслы... научной разработке *этики*.

Казалось бы не может быть более явной *измены делу*, которому он служил всю свою долгую жизнь; на первый взгляд тут по крайней мере на лицо *дезертирство с поста*, как говорят военные. А между тем это было поразительным проявлением чуткости гения, предугадывающего опасности завтрашнего дня, грозящие заветной задаче коренного обновления общества—делу *социальной революции*. Он удаляется из рядов бойцов не для заслуженного отдыха, а чтобы беззаветно посвятить все свои силы без остатка предотвращению нависшей над всеми нами,—над «победителями» не менее, чем над «побежденными»,—грозной опасности.

Эта опасность уже видна всем зрячим, она пагубнее для возрождения нашей жизни, чем загнанная внутрь, бурлящая злоба «белых» и крутой нажим победоносной «красной» власти. Эта опасность—та *моральная неразборчивость* в средствах, на почве которой вчерашние заклятые враги нашли общий язык. Это не *«смена вех»*, а перенесение старых, реакционных вех в революционный лагерь.

Но что ужаснее всего, это то, что они, правые всех оттенков, приобрели на это нравственное право.

За колесницей победителя всегда шли побежденные, но их вели связанными, их волокли силой. А эти—бегут добровольно, убежденно, *искренно*.

«Победителей не судят», гласит поговорка. Не потому, конечно, что это опасно, а потому, что обыкновенно это невозможно. Пока что поговорим о побежденных, не на полях брани только, но и в святилище внутренних убеждений.

Вот правый эс-эр, видный деятель Архангельского правительства, Владимир Игнатьев, «приявший» Советскую власть после упорной борьбы с нею. Он обращается с открытым письмом к Н. В. Чайковскому, убеждая его последовать своему примеру.

«Может быть,—пишет он,—моральное чувство не допускает отказа от борьбы с Советской властью, безоговорочного ее признания, может быть, кровь бесчисленного ряда жертв гражданской войны обязывает к этому? Сейчас этот мотив стал излюбленным в кругах эмиграции: на ней строят невозможность совместной работы с властью.

«Вспомните, Николай Васильевич, хотя бы наш север, Архангельск, где мы строили власть, где мы правили! И вы, и я были противниками казней, жестокостей, но разве их не было? Разве, без нашего ведома, на фронтах (например, в Пинежском и на Печоре) не творились военщиной ужасы, не заполнялись проруби живыми людьми? Да, мы этого, к сожалению, в свое время не узнали, но это было, и не падает ли на нас, как на членов правительства, тень за эти злодеяния? Вспомните тюрьму на острове Мудьюге, в Белом море, основанную союзниками, где содержались «военнопленные», т.-е. все, кто заподозревались союзною военной властью в сочувствии большевикам. В этой тюрьме, куда проехать я не получил от союзных властей разрешения в течение шести месяцев, хотя я был во главе местной губернской власти—правительственным губернским комиссаром, но куда, наконец, приехал в сопровождении прокурора,—в этой тюрьме начальство—комендант и его помощники—были офицеры французского командования, что там оказывается творилось? 30 % смертей арестованных за 5 месяцев от цынги и тифа, держали арестованных впроголодь, избиения, холодный карцер в погребе в мерзлой земле; в больнице этой тюрьмы члены Онеж-

ской уездной земской управы, больные тифом, отморозили себе пятки и пальцы на ногах.

«А в Сибири при Колчаке? Расстрелы арестованных при эвакуации из Тобольской тюрьмы: арестованные при эвакуации были убиваемы и потопляемы, в том числе социал-демократ Писаревский; из эвакуировавшихся из Омской тюрьмы при Колчаке из нескольких сот человек дошло до Новониколаевска только три десятка.... остальные были перебиты. Я сам видел сожженные колчаковскими карателями деревни, разграбленные польскими легионерами крестьянские избы, где было ими расхищено все, до бабьих юбок включительно.

«Да, жестокости творились и у нас, и у коммунистов—таковы неизбежные спутники гражданской войны. Мораль здесь одинакова и для коммунистов, и для их противников, и за нее демократической эмиграции прятаться не приходится»...

Так рассуждают социалисты-революционеры Игнатьевы и со всем своим «нравственным багажом» переходят в стан победителей.

Они даже не задумываются над тем —почему это французы, которые во всяком случае не были ослеплены *русскими страстями* в гражданской войне, творят те же жестокости? Игнатьевы сожалеют только, что «в свое время не узнали» когда «заполнялись проруби живыми людьми» и находят, что от этого на них падает всего-навсего... «тень»!

Так по былой мужицкой психологии цари не были виноваты в творимых властями преступлениях: они «не знали».

Но ведь теперь-то Игнатьевы и Чайковские на деле убедились, что при всей доброй воле верхи власти не могут быть вездесущими и что «приявшие власть» должны или мириться со всеми ее ужасными последствиями, или же отшатнуться от нее навсегда. И они помирились с ней, а Игнатьевы признали вдобавок за своими вчерашними противниками монополию на власть со всеми вытекающими из нее последствиями.

Морально слепые, они обдуманно, без фанатизма, подкладывают дрова в костер государственной инквизиции, на котором веками терзается человечество.

Да, «мораль здесь одинакова и для коммунистов, и для их противников» из общего социалистического лагеря...

—

В другой колокол, но в тот же тон звонит вчерашний монархист, правый из правых, А. В. Бобрищев-Пушкин, тоже «приявший» Советскую власть обнародованием своей «Новой веры» (в сборнике «Смена вех»).

Игнатьеву не приходится переборотъ свои убеждения: «то, во имя чего мы боролись,—пишет он Чайковскому,—эти лозунги срединных элементов, волею истории и революции, оказались присущими Советской власти». Для Бобрищева-Пушкина же большевизм—«новая вера» и он приемлет эту веру от власти современного Владимира Святого, лишь бы сохранить в «новой вере» старое языческое содержание.

Блестящий публицист, широко образованный человек, почти эрудиция, мысль его привольно летает через века из древней истории к современной, по русской и иностранной литературе. Ему ничего не стоит нанизать, как на ниточку, пол-дюжины исторических имен—«Нерона, Гелиобала, Марии Тюдор, Бирона», жестоких тиранов, «ничего не строивших, проливавших кровь потому, что им так нравится», и других имен—«Суллы, Марка Аврелия, Ивана Грозного, Петра Великого, Кромвеля, Людовика XI, Ришелье, Робеспьера», тоже жестоких, проливавших кровь. Но «каждый из них строил разное, но знал зачем проливает кровь и, если то, что он строил, было умно и полезно, то история (воплотившись, очевидно, в лице Бобрищева-Пушкина) ему его кровавый грех отпускала». Так примиряется он с большевистским террором.

Бобрищев-Пушкин хорошо знает и «философию, литературу, исскуство»—«Гете, Шиллера, Гейне в Германии, В. Гюго во Франции, Пушкина, Лермонтова, Достоевского и всю светлую плеяду русских писателей»; он читал *даже* Герцена

и Прудона и все же открыл «новую веру» социализма лишь после того, как он окончательно был выброшен за пределы родины вместе с Деникиным и *потерял всякую веру* в возможность установления в России какой-либо иной власти кроме большевистской. «Советская власть, при всех своих дефектах, максимум власти, могущей быть в России, переживающей кризис революции» и этого достаточно, чтобы примирить его с этими «дефектами».

Советская власть «одета в несокрушимую броню» и все же у нея «есть Ахилесова пята. Кто хочет,—может за это ухватиться и, торжествуя, цитировать. Эта Ахилесова пята—анархия. Это Кронштадт, это—царь Махно*). Жаль одного: они не правее, а левее большевиков».

Тут-то *зарыта собака*, в этом об'яснение почему Бобрищев-Пушкин «принял» государственный социализм. Но, опытный тактик, он начинает издалека.

«Непостижимо для нас,—пишет он,—как могли римляне есть мурен, откормленных телами бросаемых в пруд рабов. Непостижимо, как мог цвет средне-вековой культуры присутствовать, как на празднике, при ауто-да-фе. Так-же будет непостижимо нашим потомкам, как могли современные культурные люди пользоваться булавками и спичками, зная, что для их выделки люди отравляются металлическою и фосфорною пылью... Виноват каждый, приколовший булавку, чиркнувший спичку». Так тонко излагает символы своей «новой веры» запоздалый неофит Бобрищев-Пушкин. Но все его мысли и чувства в конечном счете преломляются через призму черносотенной души. Очень важно, чтобы будущее России находилось «в крепких, сильных руках». «Не ново, что против сильной власти всегда раздаются обвинения (как прежде против царизма, очевидно.—Прим. редак.), что оно держит население в рабстве, будто-бы управляет им помимо его воли». «В настоящую эпоху она (твердая власть) вопрос существования России. Но уже тогда дозировать твердость трудно, да и некогда и не до того совсем,—пусть деспотизм, пусть суровость, лишь бы вожжи не были выпущены из рук».

«Пусть у власти интернационалисты, но они-же явно творят национальное дело!»...

«В международной политике считаются лишь с тем, кто может наделать неприятностей, или, еще лучше, катастрофу. Одною из лучших шахматных комбинаций Ленина было опереться на Азию. Осуществлено единение с Бухарой, с Афганистаном... Персия в руках большевиков. Турция, Персия, Бухара, Афганистан—это путь в Индию... Пусть английский флот сторожит проливы—дипломатическою безкровною победою Россия зашла ему в глубокий тыл, осуществляет и здесь веками неосуществимое задание»...

Реальный политик, Бобрищев-Пушкин, подобно Игнатьеву, тоже не останавливается перед разоблачением своих вчерашних политических друзей, но не для того, чтобы ими осудить навеки государственность, а для... ее оправдания.

«Террор—не козырь для белого, или красного лагеря в обвинениях противников. Здесь оба лагеря преступны, оба обагрили руки в братской крови—не бойцов, а беззащитных, часто детей и женщин... И теперь, при возмущении большевистским террором, теми, кто уверял, что хочет Россию освободить от террора, в одном Новороссийске было расстреляно столько рабочих и крестьян, что их опутанные колючею проволокою трупы всплывали на самом взморье... В. Л. Бурцев был в Новороссийске в самый разгар белого террора—и не сказал ни слова: ведь он поддерживал Деникина. Первым моим впечатлением, когда я перешол фронт, готовый молиться на добровольцев и их трехцветный флаг, были рассказы офицеров, хвастливших пытками, которым они подвергали пленных и количеством расстрелянных, которое я тогда запомнил на всю жизнь: у Армавира одинадцать тысяч, у Белой Глины—семь. Потом я узнал, что эти цифры преувеличены, хотя были слу-

*) Бобрищев-Пушкин намекает на распространенную среди белых легенду, опровергаемую им, будто Махно „за крестьянского царя" и вступал в союз с Деникиным.

чаи расстрела в данной местности или деревне, в виде кары, всего мужского населения, но какова-же психология этих хвастависшихся, преувеличивавших цифры? Я должен подчеркнуть, что террор, в общем своем типе, как Новороссийские расстрелы, или экзекуции провинившихся деревень, был не эксцессом отдельных лиц, а правительственным актом. Но и тогда, когда хронически, месяц за месяцем имели место постоянные эксцессы, разве власть не виновна, по крайней мере в попустительстве?...

«Я бежал от красных именно потрясенный террором—и наткнулся на террор. Возмущался отсутствием свобод—и увидел народ в такой кабале, хотя бы крестьян, преданных помещикам на расправу, что перед этим бледнеет коммунистическая диктатура: правда от нея страдал мой класс, а на юге—крестьяне и рабочие. Словом, все отрицательные стороны советского строя, на которые так нападают, я видел на юге, часто в еще большей степени... Здесь не может быть никаких сделок с совестью. Террор позорен—постыден садизм его, неведомый не только якобинцам, но и инквизиторам...

«...Не приходится-ли тогда отказаться от всякого общения с запятнавшими себя таким преступлением? Однако, есть-ли русская партия... не обагрившая руки в крови?... И какая партия теперь согласилась-бы, принимая власть, отменить смертную казнь? Не кажется-ли убеждение о необходимости именно теперь ея отмены, чтобы вывести человечество из кровавого тупика всякому ответственному политическому деятелю наивной маниловщиной?... Так война нас стремительно отнесла к юриспруденции и психологии средних веков». А потому Бобрищев-Пушкин, вежливо, перед читателем, «извинившись за неуместную сантиментальность и возмущение казнями и пытками» в наши времена, оставляет в силе лишь свой приговор.... над римлянами, евшими мурен, откормленных трупами рабов.

И нашлись социалисты, которые эту привычную для реакционеров *сделку со своей совестью*, эту мнимую «смену вех» приветствовали как признание революции!

Ясно, что *смено-веховцы* не своим идеалам изменили, а сошлись с социалистическими противниками из государственного лагеря лишь в тактике, лишь в выборе, или вернее, отсутствии выбора в средствах.

Каким образом это могло случиться?

По той простой причине, что *политика*, т. е. государственные приемы воздействия на общественную жизнь, исключает *этику*.

Теперь, по справедливому замечанию Кропоткина, люди бьются между аморализмом Ницше и, по существу религиозным предопределением Канта. Суть дела не изменяется от того, что на место индивида-сверхчеловека подставляется коллектив, *класс*, яко-бы избранный данной исторической ступенью развития. Другие же, признающие религиозное предопределение, говорят о «воле истории и революции», об «отпущении кровавых грехов историей», чтобы этим путем заглушить невольное возмущение собственной совести против вопиющих жестокостей, яко-бы «неизбежных спутников гражданской войны»,—против смертной казни, требование отмены которой в конце-концов сами же называют «наивной маниловщиной».

Игнатьевы и Бобрищевы-Пушкины не могут понять, что жестокости и преступления, которые они разоблачают, присущи не только обостренным периодам политической борьбы, но и самой природе государственной власти. Игнатьевы не отдают себе отчета в том, что, если даже перенести весь тюремный комфорт Северо-Американских Соединенных Штатов на остров Мудьюг, то и тогда лишение свободы инакомыслящих людей все же останется неоправданной жестокостью.

Хотя и разными путями, но победители и побежденные сошлись на признании политической аморальности.

Это могло произойти потому что символ веры древней римской государственности: *благо республики—высший закон* (над нравственными законами, очевидно), современные социалистические партии переняли, видоизменив

слегка устами Плеханова в *благо революции—высший закон*. А так как ныне революция и государственность неразрывно сплелись между собою, то отсюда трогательное признание старыми реакционерами государственниками новых творцов государства: «Пусть деспотизм, пусть суровость, лишь бы вожжи не были выпущены из рук»—восклицает Бобрищев-Пушкин, страшась пуще всего анархии «левее большевиков» и встречая ту-же непреклонную суровость к ней у государственных социалистов.

Чем же провинилась анархия, этот идеал идеальнейшего из людей, Кропоткина, перед государственниками?

Очень немногим. Тем, что она ставит *этику* выше *политики;*—тем, что она отказывается оправдывать жестокости одной власти неизбежными жестокостями другой, а потому отрицает всякую государственную власть;—тем, что она отвергает старые приемы господствовавших классов и ищет иных путей для обновления общества, чем тюрьмы и казни.

Старая государственность, угнетая народ и причиняя ему страдания, опиралась на религию, чтобы одурманивать его и оправдывать самою себя. Новая государственность оправдывается мнимой наукой,—воспринятой Бобрищевым-Пушкиным по старому навыку, как «новая вера», —и «политической необходимостью».

Не «новую веру» и мнимую «политическую необходимость» возвещает анархия Кропоткина, а *новую этику*. За это ее и ненавидят косные профессионалы политики, как грешники угрызения совести.

Новая этика основателя научного анархизма ищет себе опору не в отвлеченных словах—*благо революции, государства, задания веков* и т. д., которыми «ответственные политические деятели» всех партий покрывают свои жестокости, а в наблюденнях над самой жизнью, в великом законе *общительности и взаимной помощи*, бьющем неиссякаемым ключом в животных и человеческих обществах и разливающимся по всему миру через государственные границы и классовые преграды. Разве не видим мы новейшее могучее проявление этой новой, но давно возникшей на земном шаре этики в той широкой помощи голодающим крестьянам России, которую стремятся оказать народы западной Европы и Америки в то самое время, как правительства этих стран почти враждуют с Советской властью?

Устраните политические (правительственные) преграды, разве не падут сами собой а классовые преграды, разбивающие народы на враждующие государства и сословия?

Тщетно политика прячется за новой религией «исторического материализма», как некогда прикрывалась христьянством.

Если *религия—опиум для народа*, яд усыпляющий его страдания, то *политика —отрава*, яд причиняющий ему мучения.

К ВОПРОСУ ОЗДОРОВЛЕНИЯ РУССКОЙ КООПЕРАЦИИ.

В настоящее время кооперативное движение в России формально приняло небывало широкие размеры. Чтобы убедиться в этом достаточно указать на то, что все население на территории Р.С.Ф.С.Р. считается формально об'единенным в потребительские кооперативы согласно изданных на сей предмет декретов. Мало того, многие граждане, в особенности в городах, фактически состоят даже не в одном, в двух и нескольких потребительских кооперативах. Кооперативы всех видов привлекают теперь внимание широких слоев населения и все общественные классы тянутся к ним, желая найти в них спасение от современных экономических и политических „зол и напастей". К ним тянутся трудовые классы: крестьянство, рабочие, трудовая интеллигенция,—желая найти в них облегчение своей нужды и избавление от голода. К ним тянется и буржуазия всех степеней, желая под кооперативной вывеской выгодно обделывать без особого риска свои коммерческие дела, или „отсидеться" до поры до времени и сохранить свои промышленные предприятия. Многочисленные кооперативы всех видов и всех степеней создаются теперь без особого труда,—побудительных причин для этого в населении достаточно; явочный порядок регистрации устава несомненно облегчает задачу; этому способствует точно также и то, что за последнее десятилетие выработался профессиональный тип кооператора-практика, кооператора-дельца, который занимается „кооперированием" как своим профессио-

нальным занятием не ради осуществления идей кооперации, а во многих случаях ради достижения частных практических целей. Все это вместе взятое и придает кооперативному движению вид массового движения.

Но всякое движение, раз оно достигает широких размеров и принимает вид массового движения, неизбежно мельчает в своих идеологических основах, выпуклость и яркость которых стирается и загрязняется от всеобщего употребления. Такое явление и наблюдается теперь в процессе развития кооперативного движения в России и даже усиливается все более и более вследствие отсутствия *свободно* организованного общепризнанного органа для моральной оценки и идейной проверки деятельности вновь возникающих кооперативов в смысле соблюдения ими чистоты кооперативных принципов и стремления их к осуществлению кооперативного идеала. Отсутствие такого органа дает возможность прикрываться кооперативным флагом и так называемым лжекооперативам, т. е. хозяйственным предприятиям, имеющим название кооператива, но не соблюдающих кооперативных принципов и не стремящихся к осуществлению идей кооперации.

Если развитие кооперации будет продолжаться и дальше в таких же условиях, в каких оно развивается за последние годы, то она не изменит своего направления и будет функционировать: или как сеть казенных лавок, называемых „потребиловками", или как сеть торгово-посреднических контор и производственно-торговых капиталистических предприятий, ставящих своей целью лишь хозяйственные задачи и совершенно игнорирующих другую, более важчую сторону кооперации—возвышение общественной активности личности членов и воспитание в них способности к хозяйственному самоуправлению, т. е. способности вести кооперативно-общественное хозяйство на основе самодеятельности всех участников кооператива.

Поскольку в деятельности современной русской кооперации эта последняя сторона задач является, в лучшем случае, лишь редким исключением, постольку она представляет собою лишь хозяйственный аппарат без духовного содержания, „раму без картины, тело без души"*),—это труп, может быть живой труп, но разлагающийся...

По мысли М. И. Туган-Барановского—кооперация является „новой формой *общественного* (курсив наш) хозяйства, который может иметь успех только при условии известного воодушевления, морального под'ема участников этого хозяйства". Она имеет целью победить капитализм, но победы и завоевания кооперации возможны лишь благодаря росту кооперативного воодушевления и энтузиазма*).

В настоящее время воодушевление в кооперации угасло и тем более нет энтузиазма. Поэтому она в таком виде не может служить орудием победы над капитализмом.

Как всякое оружие, чтобы достичь победы, должно быть отточено, так и кооперация, для достижения своих основных высших целей, нуждается в духовном под'еме.

Источником такого духовного под'ема в кооперации было и всегда должно быть общественное учреждение в виде Всероссийских Кооперативных С'ездов. Роль таких учреждений в истории кооперативного движения в России безспорно сыграли 1-ый Всероссийский С'езд 1908 года в Москве и 2-ой Всероссийский Кооперативный С'езд 1913 г. в Киеве. В порядке дня этих с'ездов не стояло ни политических, ни узко-хозяйственных вопросов: их внимание всецело было сосредоточено на вопросах кооперативной идеологии и организационных вопросах.

Последовавший затем 3-ий Всероссийский С'езд 1917 года, к сожалению, не смог пойти по пути своих предшественников. Будучи созван совершенно в исключительный момент истории России и без достаточной предварительной подготовки, он сошел с пути кооперативного нейтралитета и это послужило той апельсинной коркой, на которой поскользнулась русская кооперация, что и привело ее в состояние современной деморализации.

С тех пор, можно сказать, не было всероссийских кооперативных с'ездов. В последнее время хотя происходили всероссийские с'езды отдельных видов кооперации, как сельскохозяйственной, промысловой, но эти с'езды созывались для разрешения специальных узко-хозяйственных вопросов и, разумеется, того влияния, какое имели с'езды 1908 и 1913 г.г., того позднейшие с'езды иметь не могли.

В настоящее время в созыве Всероссийского Кооперативного С'езда по типу с'ездов 1908 и 1913 г.г. назрела большая необходимость. Этот С'езд точно также, как и первый С'езд, должен быть созван нейтральной организацией и должен быть посвящен вопросам теории и практики современной кооперации, чтобы наметить пути ее дальнейшего развития и вдохнуть ей веру в свое могущество.

Практическим выводом этого С'езда должно быть создание Совета Кооперативных С'ездов,—постоянного органа, проводя-

*) М. Слобожанин.—См. *Производсоюз, № 13-15.*

*) М. Туган-Барановский. „О кооперативном идеале".

щего в жизнь директивы с'ездов,—без чего современная кооперация не может развиваться в духе солидарности и самодеятельности всех членов об'единяемых кооперативом.

Ив. Артельный.

„ИСПОВЕДЬ".

„...Кумир революционной молодежи М. Бакунин, который, как недавно обнаружилось, написал позорную исповедь свою для Николая I и унизительные просьбы о помиловании Александу II!..."

Л. Дейч.

(„Н. А. Некрасов и семидесятники" в №3 „Пролетарской Революции", стр. 24, М., 1922 г.).

Если в 1922 году говорят об „Исповеди", то каждый понимает, что речь идет о так называемой „Исповеди" Бакунина.

Бакунин, уже несколько лет заживо погребенный в Алексеевском равелине, а затем в Шлиссельбургской крепости, пишет обращения к своим царственным мучителям —к Николаю I, потом к Александу II.

Когда Бакунин, арестованный в 1851 г. в Хемнице и приговоренный к смерти, под влиянием революционного экстаза и вопреки естественному инстинкту самосохранения, отказывается подписать прошение королю о помиловании, он—герой!

Когда после нескольких лет одиночного заключения в ужасных условиях, экзальтация проходит и в его неистощенном еще для покорной смерти мощном организме пробуждается жажда жизни и деятельности, и он ищет спасения в единственно доступном ему средстве — хитрости, Бакунин низводится с пьедестала.

Как верно передает эту обывательскую психологию армянская поговорка: „поди умри, вернись—полюблю тебя"! Человек должен стать искупительной жертвой, чтобы толпа его оценила.

Еще Иегова запретил: „не сотвори себе кумира". Кумир можно создать себе лишь в виде какого-то чудища, наделенного неестественными свойствами, а Бакунин был человек, и только человек.

И именно как человек, у которого громче всего звучала струна возмущения против всякого рода насилий и порабощения, заглушая все остальные струны человеческих слабостей, быть может заложенных в нем, Бакунин дорог нам всем, пробуждающимся от сна Макарам, угнетенным государственной властью.

Благожелательный и любящий друг, В. Н. Фигнер, захотела видеть в т. н. „исповеди" искренность, об'яснимую *атавизмом*, возвратом к взглядам ранней молодости. Нечто вроде болезненного раздвоения личности, явления известного современной психологии. Доводы приводимые ею: содержание переписки с родными из Шлиссельбургской крепости и поведение и образ жизни в Сибири. Но ведь Бакунин знал, что каждая строка его переписки читалась и, по всей вероятности, списывалась, и это должно было именно внушить ему мысль этим путем подкрепить мнимую искренность обращения к царю. А поведение в Сибири —едва ли достаточное подтверждение. Руководить людьми было одной из слабых струн Бакунина.

Куда проницательнее был Александр II, когда, держа в руке письмо Бакунина, воскликнул, обращаясь к одному из царедворцев: „Mais je n'y vois pas de repentir!", („Но я в нем не вижу раскаяния")!

На что, много времени спустя, уже в Лондоне, Бакунин заметил Герцену: „Дурак, он хотел repentir"! Одно это замечание исключает предположение об искренности в обращениях к царям.

Видеть в этой вынужденной неискренности, в этой тактической лжи по отношению к слепой и грубой силе самодержавия приложение маккиавелистского начала „цели оправдывающей средства" едва ли справедливо. В маккиавелизме осуждают *агрессивную неразборчивость* в средствах. Нельзя применять ту же оценку к вынужденной самообороне, не попирающей интересы третьих лиц. Уж если винить, то заодно обвините в *скрытности* и *лжи умалчиванием или отрицанием* арестованных на допросе, тоже преследующих, только пассивно, этими путями известные цели. Или вините в маккиавелизме Галилея, после пыток внешне отрекшегося от своего учения.

Бакунин был человек и мог иметь человеческие слабости, но за „исповедь" не перед кем ему каяться:—ни перед обществом, к которому он не обращался, подобно Белинскому и Некрасову, ни перед товарищами, которым он не изменил, к которым он стремился всей душой.

Как человек, Бакунин умел страстно любить свободу и ненавидеть государственное принуждение, пробуждая дремлющие во всех нас, угнетаемых и обираемых, такие же чувства. В этом главное его общественное значение и за это мы все, млад и стар, его любим, а не делаем из него кумира, как это воображают идолопоклонники государственности, окуривающие фимиамом змеиную мудрость своих „вождей".

Если „Исповедь" Бакунина *позорна* и *унизительна*, то не для его мощного исторического облика, а для извращающего начала государственной власти.

Всего важнее то, что Бакунин-революционер лишь много лет спустя после „Исповеди" становится принципиальным анархистом. Повидимому испытанный нравственный разлад, невольно связанный даже с вынужденной ложью, углубил в его сознании оценку сущности государственной власти. В этом все психологическое и моральное значение „Исповеди".

ФАНАТИЗМ И ДИСЦИПЛИНА.

Когда в VII-ом веке арабы вторглись в Египет и завладели Александрией, их вождь, правитель Амру, послал спросить калифа Омара, как поступить с богатой Александрийской библиотекой?

„Если эти книги подтверждают Коран, то они безполезны,—ответил Калкф,—если же они противоречат ему, то вредны. Во всяком случае уничтожить их!"

После столь решительного постановления сокровища Александрийской библиотеки пошли на отопление, в течение шести месяцев, александрийских бань.

Омар был фанатик и аскет. Невежественный, он довольствовался верой в слова Пророка и явно высказывал свое презрение к науке наравне с презрением ко всем благам земного существования. Он засыпал на ночь на ступенях мечети, вместе с погонщиками верблюдов и грузчиками; единственной утварью ему служили кувшин и чашка из кокосовой скорлупы.

Читая об этой исторической были у Элизе Реклю („Человек и Земля", рус. пер. стр. 906), невольно напрашивается сравнение с современными *буржуазными* государствами, не исключая и Китая с его древней цивилизацией, которые преследуют неугодные им течения мысли самым утонченным образом.

В буржуазных странах Европы, равно как и в Китае, печать „свободна", но зато существует целый арсенал законов и указов, по которым могут конфисковать ваши произведения, предать вас суду, засадить в тюрьму. Так даже Кропоткин, признанный ученый, отбыл „тюремную повинность" в республиканской Франции за печатное слово. Но если исключительные умы, вроде Кропоткина, все-же пробивают себе путь и заставляют в конце концов даже противников уважать свое слово, то сколько мыслей заурядных смертных гибнет в этой неравной борьбе с законом! А между тем отдельные усилия рядовых людей дают ту равнодействующую, которую называют *народным творчеством* и без которой никакая революция невозможна.

Омары, подобно бессознательной стихии, уничтожали творения человеческого гения. Но цивилизация не погибла с сожжением Александрийской библиотеки. Омары истребляли плоды человеческого ума, но не посягали на плодородие почвы, выращивавшей их. Совсем иначе поступают европейские и китайские буржуазные законодатели. Безпрестанно угрожая множеством карательных законов, они принижают свободную мысль, обезличивают ее. Все сильное, гордое, независимое глохнет или гибнет; множится же и процветает законопослушная посредственность, бюрократическая казенщина или льстивая литература людей умеющих держать нос по ветру, вроде российских Гредескулов и иных смено-веховцев. Словом получается *обратный отбор*.

Омары были фанатиками. Они верили в свою правоту и спали на ступенях своего храма. В этом их нравственное оправдание.

Но чем могут оправдаться современные буржуазные чиновники,

В одной из своих речей Ленин привел слова Маркса, что „во время революции делается не меньше глупостей, а иногда и больше". Нужно выискивать эти глупости, чтобы их устранить. В этом отношении грубейшей ошибкой будет для революции, если она станет подражать буржуазным законодателям в преследовании печатного слова. Эти преследования привели буржуазную цивилизацию к вырождению. Они же способны погубить и революцию.

. . . . . .

По независящим от редакции обстоятельствам № 4 „Почина" не мог быть выпущен своевременно и, несколько измененный, выходит вместе с № 5.

К читателям ПОЧИНА.

В 1918 году, в начале своей деятельности, группа „Почин" разослала своим единомышленникам круговое письмо, в котором между прочим говорилось:

„В то время, как активные деятели разных политических и социальных течений превратили политику и пропаганду в своего рода *профессию* и орудуют средствами извлекаемыми из своих единомышленников систематичным обложением, анархистское течение, понятно, не может поддаться такой форме „организации". Вследствие этого, наша пропаганда носит неустойчивый характер и питается случайными сборами.

„С другой стороны, часть деятельных анархистов,—речь идет о безусловно идейных товарищах, а не о сомнительных элементах, прикрывающихся нашими теориями или извращенно усвоивших наше учение,—видя свою материальную безпомощность в деле пропаганды, стали проповедывать и

применять произвольные экспроприации во имя *„дела“*, *„общего блага“*. К сожалению они упускают из виду, что так практикуемая экспроприация (отчуждение) фактически сводится к аппроприации (присвоению). Политические партии захватывающие власть не иначе обращаются с общественным достоянием.

„Наша небольшая группа задалась целью организовать систематическую пропаганду на началах трудовой производительной артели кооперативного типа. Основная задача нашей артели—*поднять, путем товарищеского сплочения усилий, интенсивность труда своих членов до такой степени, которая, обезпечивая нам необходимые средства для существования, позволяла-бы весь излишек уделять идейной пропаганде против политической и экономической власти человека над человеком*“.

Наши ожидания полностью оправдались. Несмотря на общеизвестные политические превратности последних лет, чаша которых не миновала и нас, нам всетаки удалось выпустить ряд брошюр, листовок и 15 номеров „Почина“. Но по тем же причинам наш орган до сих пор выходил и рассылался весьма неправильно. В настоящее время государственная власть установила более определенные отношения к еще редкой „инакомыслящей“ повременной печати . Благодаря введению предварительной цензуры явилась возможность издавать периодический орган без большого риска последующих преследований.

Но по причине необыкновенного, даже для нашего времени, роста стоимости бумаги (ставшей фактически предметом государственной монопольной торговли) и дороговизны почтовых отправлений (тоже монополизированных государством во всех странах), „Почин“ будет рассылаться впредь только тем подписчикам, которые по получении настоящего номера подтвердят желание продолжать получать наш орган и оказывать ему материальную поддержку.

Просим впредь письма и переводы направлять по следующему адресу ответственного редактора: **Москва, Коровий Вал, д. 16, кв. 14, тов. А. Атабекян.**

Группа „Почин“.

* * *

Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина организовал в Москве при *Музее памяти Кропоткина* **книжную экспедицию** сочинений Кропоткина и других анархических произведений. Весь доход от экспедиции предназначается на усиление средств Музея, не пользующегося, само собой разумеется, государственной субсидией.

Высылка литературы производится за наличный расчет.

Ниже приводим список части изданий, которыми располагает в настоящее время книжная экспедиция. Полный каталог будет напечатан особо.

Цены части литературы указаны в золотых рублях с переводом на советские денежные знаки по *фактическому* рыночному курсу; издания без указания цен будут расцениваться по их розничной продажной стоимости в Москве ко времени получения денег.

Расходы по пересылке относятся за счет заказчика.

Требования и переводы адресовать:

Москва, ул. Кропоткина (быв. Пречистенка), **переулок Кропоткина, д. № 26, Всерос. Общ. Ком. памяти П. А. Кропоткина, книжная экспедиция.**

Издания В. О. Комитета:

Однодневная газета, издан. в годовщину смерти П. А. Кропоткина. 3 к.
Памяти П. А. Кропоткина. Сборник № 1-ый. 35 к.
Готовится к печати сборник № 2-ой.

Издания „Голоса Труда“:

П. Кропоткин—
Взаимная помощь.
Поля, фабрики и мастерские.
Современная наука и анархия.
Хлеб и воля.
Речи бунтовщика.
Записки революционера.
Справедливость и нравственность.
К чему и как прилагать труд ручной и умственный [сокращенное изложение книги „Поля, фабрики и мастерские].
Анархия.
Анархическая работа во время революции.
Коммунизм и анархия.
Политические права.
Новый Интернационал.
К молодым людям.
Печатается—
Этика.
Избранные сочинения—
Бакунина, Элизе Реклю, Малатесты и друг.

Издания „Почина“:

Г. Сандомирский. Луиджи Бертони. 5 к.
— Плеханов и анархисты. 3 к.
— Анархизм и право захвата. 1 к.
Элизе Реклю. Основные законы истории. 2 к.
Программа государственного социализма Гракха Бабефа (в изложении А. И. Герцена). 1 к.
Ал. Атабекян. Старое и новое в анархизме. 4 к.
— „Великий опыт“. 4 к.
— Кооперация и анархизм. 3 к.
— Дух погромный. 2 к.
— Кровавая неделя в Москве. 4 к.
— Против власти. 25 к.
— Право и власть. 3 к.
Комплекты 1-ой серии „Почина“, сброшюрованные и в обложке (11 номеров). 20 к.
Портреты П. А. Кропоткина (2 снимка) по 4 к. 2 к.
Отдельные №№ „Почина“.
С. Г. Кропоткина. „Полярная елочка“, детский рассказ из жизни политических ссыльных, с двумя рисунками П. А. Кропоткина. 6 к.

Типогр. Труд. Артели ПОЧИН. — Р. Ц. № 1220.